

23rd

International Congress of
BYZANTINE STUDIES
Belgrade, 22-27 August 2016

Thematic Session of Free Communications:

THE MIGRATION PERIOD

Chairs: **Martin Hurbanič**, **Ivan Bugarski**

Oleh Vus,

Нашествие Гуннов на восточный Иллирик в 441–442 гг. Н.э

Ivan Mikhailovich Nikolsky,

Imperial Title for the Barbarian King: Gaiseric the Autokrator

Oleh Vus,

Оборона фракийского диоцеза Восточной Римской Империи в 447 г. Н.э.

Martin Hurbanič,

Two Campaigns in One Year.

The Beginning of the Second Phase of the Avar-Roman Wars during the Reign of the Emperor Maurice Revisited

Aikaterini Peppa,

L'habitat en transition : la région entre Strymon et Nestos au début de la période byzantine

Miloš Cvetković,

The Transfer of the Mardaites on the Balkans and Their Status in the Structure of the Western Themes – Peloponnese, Nicopolis and Cephalonia

Stojko Stojkov,

The Term “Sclavinia” – Byzantine Invention or Western Influence

Oleh Vus

Нашествие Гуннов на восточный Иллирик в 441–442 гг. Н.э

В первой половине V в. н. э. в Северном Подунавье резко осложнилась военно-политическая обстановка. Это было связано с приходом центрально-азиатского племенного объединения гуннов. Гунны появились на Дунае около 400 г. Постепенно они заняли территорию Паннонии, вытеснив в 406 г. племена вандалов, бургундов и алан за Рейн.

В 422 г. гунны напали на Фракию. Восточно-римский император Феодосий II (408–450) согласился выплачивать им дань в размере 350 фунтов золота в год. В 433 г. вождь гуннов Руа (?–434) угрожал Империи разорвать мирные соглашения из-за перебежчиков, укрывшихся на ее территории. Войско кочевников переправилось через Дунай и принялось разорять Фракию. Примечательно, что главной целью Руа был не рядовой грабеж, а захват столицы Восточной империи – Константинополя.

Новый вождь гуннов Атила (434–453) заставил императора Феодосия II выплачивать дань в двойном размере и наложил другие тяжёлые условия мира. В правление Атилы объединение гуннов с центром в Паннонии контролировало огромные территории от Волги и Северного Кавказа до Рейна. Кроме гуннов, Атиле подчинялись племена маскутов, акациров, алан, славян, остготов, гепидов и др.

Мир между Восточной империей и племенным объединением гуннов был нарушен в 441 г., когда войска Атилы и его брата Бледы (434–444) форсировали Дунай в Восточном Иллирике, возле соврем. Белграда. По сообщению Приска Панийского (V в.), поводом для войны стало похищение епископом города Марг сокровищ гуннов, якобы из царских гробниц. В результате был razoren город Марг, взяты штурмом и разграблены Singidunum, Sirmium и Viminacium. Все население Сингидунума было продано в рабство. После этого гунны пошли на восток вдоль Дуная к городу Ratiaria, а затем повернули на юг вдоль р. Моравы к городу Naissus.

В ходе штурма Наисса гунны, для облегчения переправы войск, построили мост через р. Нишаву ниже города, а затем подвели инженерные машины к оборонительным стенам. Защитники не смогли выстоять против их натиска; «варвары» ворвались через стену, пробитую ударами таранов, и дотла разорили город. Спустя шесть лет, когда Приск Панийский проезжал через Naissus в составе посольства, он увидел город «безлюдным и разрушенным неприятелями... по берегу реки всё было покрыто костями убитых в сражении».

Дунайский оборонительный рубеж попросту перестал существовать. Римские войска, охранявшие границу в Восточном Иллирике, были сметены нашествием орды. Те из них, которые не были уничтожены сразу, рассеялись по крепостям внутренних провинций диоцеза. В ходе нашествия гунны оккупировали обширную территорию на пять дней пути к югу от Дуная. Марцеллин Комит (VI в.) утверждал, что кроме придунайских, было разрушено «множество других городов и крепостей Иллирика», и в том числе центр диоцеза Дакия – крепость Сердика.

Константинополь остался почти без защиты перед лицом наступающего врага. Поэтому военный магистр Флавий Ардаур Аспар был срочно отозван с Востока, где вел войну с шахиншахом Ирана Йездигердом II (438–457). Отозван был и полководец Флавий Ареовинд, находившийся с флотом и частью армии у берегов Сицилии. Однако войска ни обеспечить оборону Дунайского рубежа, ни стать заслоном на пути гуннов во Фракии все равно не успевали. Поэтому для решения военных конфликтов были предприняты дипломатические шаги: в 442 г. Аспару удалось заключить мир с гуннами; одновременно на Востоке было заключено перемирие с Ираном. Безусловно, все стороны конфликта понимали сложившуюся ситуацию как передышку перед решающими схватками и готовились к активным боевым действиям, которые развернулись на Балканах через пять лет.

Ivan Mikhailovich Nikolsky

Imperial Title for the Barbarian King: Gaiseric the Autokrator

The main object of the paper is the political terminology in the Early Byzantine Empire, especially the use of the exclusively imperial title *autokrator* (αὐτοκράτωρ) for the barbarian kings and leaders.

In the spotlight is the work by Procopius of Caesarea *The Vandal War* (De Bello Vandalico), where this term is used for Gaiseric, the king of the Vandals (428–477). Speaking about his succession to the throne, Procopius called him ‘autocrat of Vandals’, αὐτοκράτωρ βανδίλοις (De Bellis III.3.33), and this case is of a lot of interest.

It should be noted, that the term *autokrator* was the official title of the Roman emperors since Octavian August. As the Greek replaced Latin not only as the main literary language, but also as the official one, the title *autokrator* became increasingly more significant. Justinian presented himself such way in the *Constitutiones*, written in Greek. Heraclius in his first *Novellae* also used this title. Subsequently, due to the innovations of this emperor *autokrator* since 629 was superseded with the term *basileus* (Bury J. B. 1940, 19–21; Ostrogorsky G. 1957, 95–96; Shahid I. 1972, 302–303, Kaegi W. E. 2003, 194), but didn’t become totally obsolete. In the 10-th century it dawned in the coin legends and then, in the imperial documents, such as *chrysobull*. In the context of this tradition the cases of its use in the connection with barbarian leaders or kings look extraordinary and can be an interesting topic for research.

As for Gaiseric, in the work three possible explanations are given. The first is a great volatility of the political terminology in Late Antiquity and the Early Middle Ages. The strongly ‘imperial’ terms, like *princeps* were used for the barbarian kings, and *vice versa*, the barbarian epithet *rex* frequently appeared as the word for an emperor. Before 629 the term *basileus* was used both for the emperors and for the barbarian kings.

The second explanation is that Procopius could use the more ancient tradition, especially the text of the *Peloponnesian War* by Thucydides, when speaking of an *autokrateia*. In the ancient Greek works, written before the Roman imperial period it had a meaning of the political independence, and this tradition also could influence on Procopius.

The third and the main version is about use of the term *autokrator* for the aims of propaganda. The fragment, where the author speaks about Gaiseric, is the prequel to the main theme of the *Vandal War*, the campaign of Justinian against the Vandal kingdom in Africa (533–534). Procopius describes this campaign as the ‘deliberating’ war against *tyrannis* of Gelimer, who was a usurper and violated the order of succession, instituted by Gaiseric (*Proc. Caes. De Bellis. III.9.10–12; 24–25; 16.13–14*).

Here Gaiseric can be seen as the key person. In the model, constructed by Procopius, he is on the side of the ‘violated legality’ and the ‘suffered legitimacy’, which Justinian, Belisarius and Justinian himself try to defend. If the situation can be presented such way, *autokrateia* of Gaiseric looks not random, but quite conscious: declaring the war with Gelimer, Justinian stands up for the legitimate ruler, recognized by the Empire.

Оборона фракийского диоцеза Восточной Римской Империи в 447 г. Н.э.

В середине V в. н. э. отношения между Восточной Римской империей и племенным объединением гуннов резко обострились. Возможно, это было связано с установлением единоличной власти Атиллы (434–453) над гуннами и подвластными народами. По сообщению Проспера Аквитанского, в 444 г. Атила «Бледу, брата своего и соратника по царству, убил и его народы вынудил себе повинаться».

Через три года после смерти соправителя Атиллы потребовал от Империи выплатить дань и выдать перебежчиков, пригрозив войной. Однако Феодосий II (408–450) на совете в Константинополе решил никого не выдавать и отправил к гуннам послов для переговоров. В ответ на это Атила в 447 г. форсировал Дунай восточнее восстановленного магистром Флавием Номом оборонительного рубежа. Войска гуннов принялись опустошать Восточный Иллирик, срыли несколько крепостей и взяли штурмом город Ratiaria.

Навстречу орде из Маркианополя выступил военный магистр Фракии Арнегискл. Римляне и объединенные войска гуннов Атиллы, гепидов Ардариха и готов Валамера встретились в провинции *Dacia ripensis*. В решающей битве на р. Утус, несмотря на мужество, проявленное римским командующим, армия Восточной империи была разбита, а сам Арнегискл погиб. Дорога на Маркианополь была открыта. После его падения гунны преодолели Балканский хребет и двинулись по *via militaris* в долину р. Гебр; захватили главный центр диоцеза – Филиппополь, а затем Аркадиополь в провинции Европа. По словам Марцеллина Комита, эта война была намного тяжелее, чем предыдущая: «она разорила почти всю Европу, города и крепости которой были захвачены и разграблены».

В ходе войны гунны вели правильную осаду укреплений и, как сообщает Галльская хроника 452 г., взяли 70 крепостей на Балканах; на юге их отряды дошли до Фермопил в Греции. Феофан Исповедник утверждал, что гунны уничтожили все города диоцеза, кроме Адрианополя в Гемимонте. При этом, Атила, «разбивши полководцев Римских, захватил бесчисленное множество пленных и добычи». В разоренных провинциях начался голод и эпидемии.

Монах Каллиник из Руфинианы сообщал, что Фракия была полностью опустошена; гунны разорили более 100 городов, и опасность угрожала самому Константинополю, из которого массово бежало население. Осложняло ситуацию и то, что во время землетрясения 27 января 447 г. рухнуло сразу 57 оборонительных башен столицы. К маю, когда гунны вышли на прямые подступы к Константинополю, их наскоро восстановили.

Римляне дали гуннам еще одно сражение. Оно произошло на п-ве Херсонес Фракийский, и имперские полководцы его опять проиграли. Феодосий II был вынужден вступить в переговоры. В 448 г. Империя, пойдя на очень тяжёлые условия (единовременную выплату 6000 литр золота и выдачу перебежчиков), добилась перемирия. По словам Приска Панийского, «в короткое время истощена была казна; золото и беглецы отправлены были к Уннам». Но мир был нужен любой ценой.

Только в ходе третьих переговоров (в 449 г.) Атилл поклялся патрикиям Анатолию и Ному «в сохранении мира на прежних условиях: обязался уступить Римлянам землю, которая граничила [с] Истром, и не беспокоить более царя насчет беглых... Таким образом [были] прекращены несогласия с Атиллою».

Возможно, его показательное миролюбие было вызвано все возрастающим интересом к делам Западной империи. Вскоре после этого последовали: битва на Каталаунских полях (451 г.), смерть Атиллы в 453 г., и неудачное сражение на р. Недао в 454 г., после которого гуннам было уже не до выяснения отношений с Константинополем.

Последняя попытка орды прорваться через Дунай во Фракию закончилась катастрофой: в 469 г. голова Дензика, сына Атиллы, предводителя гуннов, была доставлена в Константинополь.

Martin Hurbanič

---

*Two Campaigns in One Year. The Beginning of the Second Phase
of the Avar-Roman Wars during the Reign of the Emperor Maurice Revisited*

The question of the exact chronology belongs undisputedly to the most discussed topics relating to the work of the Late Antique Greek historian Theophylact Simocatta. One of the most controversial aspects in this matter is the chronology of the Avar-Roman wars. Up to this time, at least four major hypotheses were proposed by various scholars. A conclusive solution, however, is still open to discussion and the present historiography either follows the chronological scheme of Maria Nystazopoulou-Pelekidou or that of Michael Whitby. This contribution deals with the two starting points of the chronology of the second phase of the Roman–Avar wars – the campaign of the Emperor Maurice in person (V.16-VI.3) and the subsequent Avar attack (VI.3-VI.5). Contrary to the previous scholars, I would like to propose a new chronological solution for these two military operations. Based on the close textual examination, I argue that they were not only inserted into Simocatta's *Historia* in the wrong chronological order but they were also closely related and occurred in one and the same year – 590.

Aikaterini Peppa

---

*L'habitat en transition :
la région entre Strymon et Nestos au début de la période byzantine*

À partir du VIe siècle, la région, qui se trouve entre les deux grands fleuves Strymon et Nestos, qui coulent en Bulgarie et en Grèce actuelles, a été le théâtre de nombreux retournements politiques et militaires. Elle dut quelques convoitises à son emplacement au croisement des grands axes routiers menant à la capitale. Ne disposant d'aucun grand centre commercial, son économie fut surtout basée sur les activités agricoles qui se déroulaient dans les plaines alimentées par ces deux fleuves.

La modification de la société et de son urbanisme à partir la fin du VIe siècle a été le fruit de lents changements économiques, politiques, et administratifs que l'on peut rattacher au niveau plus général de l'empire. Ces changements reflètent aussi le déclin du modèle administratif romain. Les centres urbains locaux ne pouvaient plus assurer le fonctionnement du réseau économique de la région, ni même en garantir la sécurité. En conséquence de quoi la région devint de plus en plus dépendante de la capitale à ce niveau. La transformation des villes et le déclin de l'économie sont évidents en ce qui concerne l'architecture. Dans un contexte général défavorable (politique, stratégique, catastrophes naturelles) les centres urbains eurent tendance à fortement décroître, et la plupart des monuments publics à être abandonnés. Les habitants qui continuèrent à y vivre malgré tout se contentèrent alors simplement d'assurer leur autosuffisance. Cette période se distingue archéologiquement par des maisons de qualité moindre, qui réutilisent des bâtiments antérieurement détruits. Une partie de la population rurale transféra à ce moment ses habitations, et parfois même ses exploitations, vers des sites plus protégés, en hauteur, comme les études palynologiques nous l'indiquent. On peut noter la création d'une micro-économie agricole, surtout dans la région sud du mont Pangée, qui assure sa communication tant par la via Egnatia que par voie maritime.

Mais ensuite, un siècle plus tard environ, un nouvel essor se fit jour, comme le prouvent par exemple la tour que Nicéphore Phocas édifia à Philippes, les trouvailles numismatiques faites dans toute cette région, la multiplication des villages, ou encore la création de nombreuses métoques dans le bas-Strymon. Et c'est également à ce moment qu'il y eut une tendance à la réinstallation dans les villages tardo-antiques.

En conclusion, les changements topographiques et les bouleversements de la vie urbaine reflètent des modifications sociales et administratives, ainsi que l'altération des dynamiques démographiques. À la fin de l'Antiquité tardive la région perdit son caractère urbain pour devenir principalement agricole. Pendant les VIIe et VIIIe siècles, il y a certes dans cette région des changements sur le plan topographique, mais aucunement une rupture. Les populations s'adaptèrent aux changements économiques et climatiques, mais leurs mouvements restèrent surtout régionaux, les amenant vers des sites plus fortifiés. Les nouveaux peuples slaves qui arrivèrent trouvèrent quant à eux leur place près des rivières. C'est finalement au Xe siècle que ces dynamiques eurent tendance à se cristalliser.

Miloš Cvetković

---

*The Transfer of the Mardaites on the Balkans and Their Status
in the Structure of the Western Themes – Peloponnese, Nicopolis and Cephalonia*

During the 7th century the Mardaites were an important military and political factor in the Byzantine-Arab relations on the eastern border of the Empire. On the basis of the peace treaty which the Emperor Justinian II made with the Arabs, one part of the Mardaites was moved from the eastern border deeper into the interior of the Empire. In the following centuries they became an important part of the Byzantine naval forces in Attaleia – in theme of Cibyrrhaeots – as in the western themes – Peloponnese, Nicopolis, and Cephalonia.

Historians have not determined the precise time when the Mardaites resettled in the three western themes. It is unlikely that it occurred at the end of the 7th century – when Abd al-Malik ibn Marwan and the Emperor Justinian II concluded the agreement – because Constantinople at that time did not have a strong power in the area of the Peloponnese and Epirus. The authority of Constantinople in that part of the Empire was determined at the end of the 8th century, after campaign of Stauracius and conquest of significant part of the Peloponnese in 783. Therefore, it is possible to set the time of the colonization of the Mardaites in the southern Balkans in the interval between 783 and 877/878 when the sources record their presence in this area for the first time.

The only colonization implemented in the Peloponnese during this period, which is documented, was carried out by the Emperor Nicephorus I (802-811). The *Chronicle of Monemvasia* gives information on settling the soldiers from different parts of the Empire in the theme of Peloponnese, Thracians, Armenians and certain *Kafêroi*, among others. The author of *Chronicle* puts *Kafêroi* on the same level with Thracians, who were residents of the Thracian theme, as well as Armenians, probably members of the Armeniac theme, so it seems that Byzantologist Peter Charanis was right when he said that the name of *Kafêroi* also comes from the name of the same theme. In this case it could be the theme of Cibyrrhaeots. One part of those Cibyrrhaeots who were settled in the Peloponnese could certainly be the Mardaites of Attaleia.

Hence, it can be assumed that the Emperor Nicephorus I was responsible for the relocation of Asia Minor Mardaites in the Peloponnese. This colonization can be seen as part of the extensive colonial policy which the mentioned Emperor implemented in order to strengthen the Byzantine authority in different parts of the Empire.

Unlike the Mardaites from the Peloponnese, who participated in the fightings around Syracuse 877/878, and in Nasser's expedition on the Ionian Islands 880/881, the Mardaites from Nicopolis and Cephalonia were first mentioned in the sources in connection to the Byzantine expedition to Syria and Crete 910/911. Therefore, 910/911 year can be taken as a *terminus ante quem* of their settlement in the two western themes. Their transfer is, therefore, not probable earlier than 880/881 – before the Nasser's expedition – because the Mardaites of the Nicopolis and Cephalonia did not take part in this campaign. In accordance with this, their transfer to Nicopolis and Cephalonia should be dated between 880/881 and 910/911. Colonization was probably followed shortly after Nasser's campaign, in order to strengthen Byzantine military capabilities in Cephalonia and Epirus coast which were exposed to attacks by the Arab navy.

The Mardaites of the western themes were organized in the military units led by *tourmarchês*. In each of the mentioned themes there was one *tourma* of the Mardaites. Such a structure reminds of the organization of Persian *tourmai* which were distributed to themes throughout the Empire in the 9th century. The sources attest similar structure also in the case of the ethnic *tourmai* of the Goths, Bulgarians or *Aibiditai*. Therefore, the *tourmai* of the Mardaites should be considered as military (and perhaps administrative) units of an inferior rank in the Byzantine thematic structure in the 9th and 10th century.

Stojko Stojkov

The Term “Sclavinia” – Byzantine Invention or Western Influence

This article attempts to shed light on the emergence of the term *Sclavinia*. It calls in question the thesis that term appeared in Constantinople in the VI or VII century. In addition, it argues that Theophilact Simokatta was not the first author who used it. The oldest manuscript of Theophylact's *History* is from X c., when the term was already well affirmed - all other Theophylact's manuscripts depend on this one. Theophylact used the term *Sclavinia* in only one place in his *History*, and in the way which made it unclear for his contemporary readers. None of his contemporary writers used it, and there is not any sign that anybody borrowed it from him. Patriarch Nicephorus, who wrote his history as a continuation of Theophylact's in the second half of VIII c., did not know the term *Sclavinia* at all. Theophane the Confessor, who widely used the term *Sclavinia* at the beginning of IX c., and who incorporated a big amount from *Theophylact's History* in his *Chronicle*, did not use the term in the sections based on Theophylact. Therefore, it is very possible that *Sclavinia* did not exist in the original of *Theophilact's History* but actually was an interpolation from X c.

If Theophylact is not the first author who used *Sclavinia*, then the oldest source in which we find is not byzantine but western one: *Life of Willibald*, written in 778, in northern Italy. The term was used in it for part of Peloponnese, indicating that in year 723 the Saint passed nearby by boat. Nothing supports the suggestion that he learned it in Byzantium. It is remarkable that it is not in a byzantine form – *Sclavinia*, but *Slawinia*.

This article proposes two possible explanations of emergence of the term. First, the alternative hypothesis that the term appeared in the region of the Adriatic Sea where Latin, Greek and Slavonic languages met each other, and was invented and used first by the Slavic neighbors. From Adriatic shores, it has expanded during the conflict between Franks and Romeos for Istra and Dalmatia in late VIII - early IX century. The second explanation is that the term *Sclavinia* was not invented in one place but it appeared spontaneously in many different places and authors often without connection between them. It was a very common way of making toponyms from ethnonyms in the middle ages, and it was easy to create *Sclavinia* form *Sclavi(ni)*, so we do not need to explain it through *inventions and borrowing*.

Sclavinia failed to take a permanent place in the official terminology of Byzantine or western imperial court. The first official use in Byzantium we find in a letter of Emperor Michael II to Emperor Luis the Pious, and in the west - in letter of Louis II to Basil I in 871. In general, the use of this term in Latin and Byzantine sources was very limited. In the old Slavic written tradition, it was never used, which suggests that *Sclavinia* was an external name.

Its use has spread at the time of inclusion of independent Slavic communities in Central Europe and the Balkans, in the sphere of influence and domination of the great empires from the end of VIII c. A suitable collective term, its weakness was its too general and uncertain meaning. With the disappearance of small Slavic tribes or their evolution in larger independent state formations established under their own well-known names, it loses its relevance.